

СУДЬБА

Век. - 1995 -
8-11 дек. - с. 11Елена ДОЛИНСКАЯ,
профессор Московской
консерватории

Обратный билет

Как певец Олим Садуллаев обменял Париж на Люберцы

Олим Садуллаев в опере Д. Шостаковича «Катерина Измайлова», известной на Западе как «Леди Макбет Мценского уезда» (Нанси, Франция)

Олима Садуллаева в Москве знают пока мало. К нему пристально присматриваются и, что вполне объяснимо, особенно чутко прислушиваются. И те, кто уже имел возможность познакомиться с ним, безоговорочно отдают этому человеку свои симпатии — и его открытой людям натуре, и его мощному выскому басу красивейшего шалляпинского тембра.

Узбек, двенадцатый ребенок в семье провинциального учителя, выпускник Ташкентской консерватории, Олим после 15 лет жизни и работы на Западе решил перебраться в Москву, домой. «Да, Москва, — говорит Садуллаев, — это тоже мой дом, столица той страны, из которой я в 80-м не по своей воле уехал...»

Что же такого натворил тогда Олим? Диссидентствовал? Был обижен непризнанием своего таланта? Нет. К тому времени он уже пел в ленинградских Кировском и Малом оперном театрах. А случилось с ним то, что случается с каждым молодым (и не только молодым) человеком: Олим влюбился. Все бы хорошо, да любовь оказалась не советская — французская, по имени Доменик. Родители благословили своих детей, они поженились. Но не было высочайшего благословения — государственного. Брак с иностранкой в те годы считался непоправимым легкомыслием и грехом, что незамедлительно было доведено до сведения молодожена. Он потерял работу и крышу над головой.

Новой семье надо было принимать какое-нибудь решение. Олим обратился в ОВИР с просьбой предоставить двухмесячную гостевую визу во Францию к родителям жены. Отказ последовал в категорической форме — выезд возможен только на постоянное жительство. В какие только инстанции не обращался Олим! Все оказалось безрезультатным. И он

сделал крутой поворот в своей судьбе, уехав с Доменик в Париж, откуда и началась его вокальная одиссея.

Делать крутые повороты в своей жизни, осознанно подвергать себя риску — вообще в характере этого человека. Мне кажется, не столько судьба испытывала и испытывает Садуллаева, сколько он испытывает ее, что, без сомнения, присуще сильным натурам. И что отраднее, в этих поединках он достигает поставленной перед собой цели.

Это у него с детства, когда он ощутил, что жизнь — штука сложная и в ней надо уметь постоять за себя, что лучше быть сильным, чем хилым, потому серьезно занялся тяжелой атлетикой, а в юности уже стал мастером спорта СССР и студентом физкультурного института. Но еще сильнее, чем к штанге, тянулся Олим к музыке, которую в семье Садуллаевых обожали буквально все, и он резко сменил профиль своей будущей работы, окончив физкультурный и поступив в консерваторию.

Успешный дебют в ташкентской опере, ангажемент в Ленинграде — и вот тебе на, безработный: Садуллаев не знает Запад, Запад не

знает Садуллаева. Ну, ничего, еще узнает. Не стоит отчаиваться, надо работать. На престижном конкурсе певцов в Тулузе ему присуждается высшая награда. О нем заговорили. Казалось бы, после такой красивой победы Олиму надо осторожничать и не подвергать свой талант новым испытаниям. Но это уже был бы не Олим. Он смело идет на участие в других певческих турнирах и получает Гран-при в Барселоне (Испания), Вилла Маннин (Италия) и Рен (Франция).

Пошли приглашения от оперных театров Европы и Америки. За годы жизни на Западе Садуллаев исполнил ведущие партии (неизменно на языке оригинала) в «Летучем голландце» Вагнера, в «Аиде», «Эрнани», «Дон Карлосе» Верди, в «Севильском цирюльнике» и «Итальянке в Алжире» Россини, «Фаусте» Гуно и многих других произведений западноевропейской классики. И сцены были самые разные: Мадрид и Барселона, Мюнхен и Берлин, Париж и Лилль, Рим и Флоренция, Зальцбург и Вена.

Неизменно востребованным на западных сценах Олим оказывался и в русском репертуаре, став превосходным исполнителем образа царя

Бориса в эпопее Мусоргского, Мельника в «Русалке» Даргомыжского, Кутузова в «Войне и мире» Прокофьева, Прокурора в «Мертвых душах» Щедрина, Гремина в «Евгении Онегине» Чайковского. По приглашению Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской в римской академии «Санта-Чечилия» спел в четырех представлениях «Золотого петушка» Римского-Корсакова, а по приглашению Максима Шостаковича — нью-орлеанскую премьеру 13-й симфонии его отца с солирующей партией баса. Впрочем, Садуллаеву просто невероятно везло на встречи и совместную работу с выдающимися дирижерами мира: его приглашали в свои концерты Герберт фон Караян и Клаудио Аббадо, Рикардо Мутти и Зубин Мета.

После всего перечисленного иной расчетливый человек вправе спросить: «А зачем после столь головокружительных успехов там Садуллаев вернулся сюда? Разумно ли он поступил?»

С точки зрения рационального ответ один: неразумно. Ведь немало служителей муз, не находя государственной и спонсорской поддержки, покидают Россию. Но можно понять и Олима: душа его истосковалась на чужбине, а желание петь для соотечественников было неизбывным все эти годы.

Он купил билет до Москвы, продал когда-то купленный дом с целью приобрести квартиру в российской столице. Подвернулись ему тут нечистые на руку посредники и скрылись с его деньгами. Оставшегося хватило на скромное жилище, но уже в Люберцах. Да, отстал Олим в знании наших новых нравов и порядков. Но Садуллаев не унывает. Впервой ли ему испытывать повороты судьбы? Только бы петь. И поет. В Театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко дебютировал в «Иоланте», дал несколько сольных концертов.

Порядуется, что в нашей стране одним талантом стало больш...